С 823
Стороженко Н.
Из области литературы.
М; 1902
Б4

1959

В
в
К алог

Н. Стороженко.

809
С-823

~~52409.~~

ИЗЪ ОБЛАСТИ ЛИТЕРАТУРЫ.

СТАТЬИ, ЛЕКЦІИ, РѢЧИ, РЕЦЕНЗІИ.

№ 110278.

Изданіе учениковъ и почитателей.

73662
ЛЕНИНГРАДСКАЯ
Областная Центральная Библиотека
площадь Лассаля, д. 3.

БИБЛІОТЕКА ЧЕРНЯВСКАГО
Ю. Н.
№ 9108
Ц
С.П.Б. Невскій д. №54

МОСКВА.
Типо-литографія А. В. Васильева и К°, Петровка, домъ Обидиной.
1902.

ЛЦБ 1931 г. Проверено

1948

Проверено 1936 г.

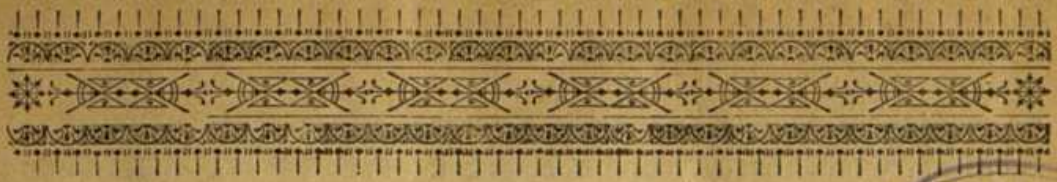
Отъ издателей.

Предлагаемый вниманію читателей сборникъ статей Н. И. Стороженко далеко не составляетъ всего имъ написаннаго. Въ выборѣ ихъ мы руководствовались желаніями самого автора, который имѣлъ въ виду главнымъ образомъ средняго читателя, и потому исключилъ статьи спеціальныя, которыя могутъ интересовать весьма немногихъ. Полная же библіографія статей Н. И. приложена къ изданному въ его честь юбилейному Сборнику—*Подъ знаменемъ науки*.

БИБЛІОТЕКА ЧЕРКЕСОВА
Ю. И. (ОБЩЕСТВО)
№
Ц
С.П.Б.

ИНОСТРАННАЯ ЛИТЕРАТУРА.

Педагогичеекія теоріи эпохи Возрожденія *).

М. г.! Педагогическія теоріи извѣстной эпохи находятся въ прямой зависимости отъ тѣхъ жизненныхъ идеаловъ, которые ставитъ себѣ эпоха или, правильнѣе, руководящіе классы общества. Вѣрность этого положенія въ особенности оправдывается исторіей педагогіи въ средніе вѣка, когда руководящимъ классомъ европейскаго общества было католическое духовенство, стремившееся наложить на всѣ отрасли высшей духовной дѣятельности науку, искусство, литературу,—свой односторонній клерикально-аскетическій отпечатокъ. Первоначально, впрочемъ, духовенство, не было враждебно свѣтскому знанію. Просвѣщенные пастыри первыхъ временъ христіанства, сами получившіе солидное классическое образованіе, видѣли въ великихъ писателяхъ древности могущественное средство умственнаго развитія и превосходную школу для борьбы съ язычествомъ. Василій Великій, напримѣръ, написалъ особый трактатъ *О пользѣ изученія классическихъ писателей*, въ которомъ доказывалъ, что для успѣшной борьбы съ образованными язычниками необходимо изученіе языческихъ поэтовъ, историковъ и ораторовъ. „Сочиненія свѣтскія,—говоритъ онъ,—относятся къ сочиненіямъ религіознымъ, какъ листья дерева къ его плодамъ: они предшествуютъ, покрываютъ своею тѣнью и служатъ для охраненія послѣднихъ“.—Предупреждая болѣе чѣмъ на тысячу лѣтъ Эразма Роттердамскаго, великій святитель восточной церкви восхищался столько же художественной формой классическихъ писателей, сколько и ихъ содержаніемъ, и въ одномъ мѣстѣ не усомнился сравнить Сократа и Платона по возвышенности идей съ ап. Павломъ. Къ сожалѣнію, примѣръ Василія В. нашелъ мало подражателей, и уже западный современникъ его, блаженный Августинъ, плакавшій въ юности

*) Публичная лекція, читанная въ пользу Общества вспомоществованія бѣднымъ учащимся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Москвы.

надъ четвертой пѣснью Энеиды, изгоняетъ изъ своей системы воспитанія языческую науку и языческихъ авторовъ, и въ припадкѣ благочестиваго усердія восклицаетъ, что для христіанина не нужно образованіе, что невѣжды скорѣе ученыхъ войдутъ въ царствіе Божіе (Indocti surgunt et rapiunt coelum). Въ VI в. папа Григорій В. открываетъ цѣлый походъ не только противъ классическихъ писателей Рима, но и противъ латинской грамматики, и тщеславится тѣмъ, что самъ писалъ съ ошибками. „Я постыдился бы,—говоритъ онъ,—подчинять слова божественной премудрости правиламъ грамматики". Узнавъ, что одинъ французскій епископъ учитъ грамматикѣ и читаетъ классиковъ въ управляемой имъ каѳедральной школѣ, папа дѣлаетъ ему за это строгій выговоръ, ибо „не подобаетъ одними и тѣми же устами славить Христа и прославлять Юпитера". Особенно гибельно повліяло на развитіе знаній появленіе нищенствующихъ монашескихъ орденовъ, которые проповѣдывали аскетическій взглядъ на жизнь и ставили задачу человѣческаго существованія въ подавленіи личности и въ достиженіи совершенства путемъ систематическаго плотоумерщвленія. Сочиненія средневѣковыхъ аскетовъ полны рѣзкихъ выходокъ противъ неумѣстной любознательности, ищущей своего удовлетворенія въ свѣтской наукѣ, и св. Бернаръ прекрасно формулировалъ всѣ эти обвиненія въ своихъ извѣстныхъ словахъ, что свѣтская наука воспитываетъ въ человѣкѣ умъ и гордость, а не христіанскую любовь. Подъ вліяніемъ подобныхъ взглядовъ, которые въ XII и XIII столѣтіяхъ раздѣляются и пропагандируются руководящими классами средневѣковаго общества, воспитаніе юношества принимаетъ крайне одностороннее направленіе; цѣлью его становится не умственное развитіе дѣтей, но развитіе въ нихъ тѣхъ качествъ, которыя считались необходимыми для человѣка богоугодной жизни,—смиренія, терпѣнія, и безусловнаго повиновенія церкви и духовенству. Весьма любопытны тѣ педагогическіе пріемы, съ помощью которыхъ внушалось ребенку смиреніе. Въ нѣкоторыхъ школахъ для этой цѣли предписывалось воспитанникамъ постоянно держать глаза опущенными внизъ, запрещалось также сидѣть на высокихъ скамьяхъ, изъ опасенія, чтобы высокое положеніе не заронило въ души воспитанниковъ сатанинской гордости. Хотя въ средневѣковыхъ школахъ не переставали преподаваться науки, входившія въ составъ такъ называемаго trivium'a (грамматика, риторика, діалектика) и quadrivium'a (музыка, ариѳметика, геометрія и астрономія), но и эти науки не имѣли самостоятельнаго

значенія и преподавались главнымъ образомъ для цѣлей религіозныхъ. Нѣмецкій педагогъ IX в., Рабанъ Мавръ, такъ опредѣляетъ цѣль преподаванія этихъ наукъ: „Грамматика научаетъ искусству говорить и писать правильно; безъ нея нельзя понять троповъ и фигуральныхъ выраженій Св. Писанія. Не слѣдуетъ пренебрегать также и просодіей, потому что въ псалмахъ встрѣчается много различныхъ размѣровъ, для объясненія которыхъ нужно изучать древнихъ языческихъ поэтовъ, предварительно изъявъ изъ нихъ то, что имѣетъ отношеніе къ любви и языческимъ богамъ. Равнымъ образомъ необходима для пониманія Свящ. Писанія ариѳметика, такъ какъ въ немъ неоднократно говорится о числахъ и мѣрѣ; геометрія необходима оттого, что въ Св. Писаніи при описаніи Ноева ковчега и Соломонова храма встрѣчаются разнаго рода круги и фигуры; астрономія важна для опредѣленія Пасхи и праздниковъ; музыка необходима для богослуженія, которое безъ нея не можетъ быть отправляемо съ должнымъ благочиніемъ“. За одной только діалектикой Рабанъ Мавръ признаетъ самостоятельное значеніе, называетъ ее наукой наукъ, источникомъ всякаго знанія и мудрости, хотя тутъ же прибавляетъ, что она въ особенности необходима, какъ средство для борьбы съ еретиками. Одностороннимъ цѣлямъ средневѣковой педагогіи какъ нельзя лучше отвѣчала суровая школьная дисциплина, способная убить всякую пытливость ума, всякое проявленіе самостоятельной воли. Ферула и бичъ безжалостно разгуливали по спинамъ учениковъ, которые выходили изъ школы съ небольшимъ запасомъ свѣдѣній, но съ большимъ количествомъ синяковъ и рубцовъ по всему тѣлу.

Таковъ былъ общій характеръ педагогіи и школьной дисциплины до самаго конца среднихъ вѣковъ, когда уже въ Италіи занималась заря эпохи Возрожденія.—Вамъ извѣстно, м. г., что эта эпоха знаменуется быстрымъ развитіемъ человѣческаго ума, окрыленнаго массой новыхъ свѣдѣній, почерпнутыхъ изъ произведеній греческихъ и римскихъ писателей, что эта эпоха была эпохой борьбы пробужденнаго человѣческаго разума съ церковнымъ авторитетомъ, прославленная великими изобрѣтеніями и открытіями, положившими рѣзкую грань между средними вѣками и новымъ временемъ. Едва ли не самымъ важнымъ изъ этихъ открытій было, какъ мѣтко выразился Мишлѐ, открытіе человѣка, т.-е. новый взглядъ на достоинство его личности и задачу его существованія. Считая земную жизнь только приготовленіемъ къ жизни вѣчной, а человѣка игралищемъ своихъ страстей и лег-

кой добычей дьявола, средневѣковые люди мало заботились объ удобствахъ жизни, мало цѣнили человѣческую личность, ея потребности и способности, стремились рядомъ аскетическихъ подвиговъ смирить человѣка, подавить его злую волю, обуздать опасную пытливость его ума. Возрожденіе классической древности нанесло этому взгляду рѣшительный ударъ; подъ вліяніемъ изученія классическихъ писателей, проникли въ общество иные взгляды на человѣческую личность и задачи ея существованія. Сущность этихъ взглядовъ состоитъ въ радостномъ, чисто-эллинскомъ воззрѣніи на жизнь, въ глубокомъ уваженіи къ человѣческому достоинству и въ не менѣе глубокомъ убѣжденіи въ необходимости и законности развитія всѣхъ силъ и способностей человѣческой природы. Нигдѣ это уваженіе къ достоинству человѣческой природы, сдѣлавшееся лозунгомъ эпохи Возрожденія, не выразилось съ такой силой, какъ въ знаменитой рѣчи итальянскаго гуманиста Пико-де-ля-Мирандола *De Hominis Dignitate*, которую онъ хотѣлъ произнести въ 1486 г. въ Римѣ, передъ началомъ своего несостоявшагося диспута съ католическими богословами. Рѣчь эта въ особенности интересна потому, что она, такъ сказать, стоитъ на рубежѣ двухъ эпохъ, что въ ней сливаются средневѣковыя воззрѣнія на міръ съ гордыми мечтами гуманистовъ о достоинствѣ человѣческой природы. Пико отправляется отъ положенія, что земля есть центръ міра, что вокругъ нея вращаются солнце и другія планеты; человѣкъ же есть центръ земли, узелъ и связь всего мірозданія (nodus et vinculum mundi), ибо въ немъ мы находимъ прозябаніе растеній, чувственную жизнь животныхъ, разумъ ангеловъ, подобіе Бога на землѣ. Богъ создалъ человѣка въ концѣ творенія, чтобы онъ могъ познавать законы вселенной, удивляться ея величію, восхищаться ея красотой. Въ заключеніе своей характеристики человѣка, Пико влагаетъ въ уста Творца вселенной такую рѣчь, обращенную къ Адаму: „Я не далъ тебѣ, Адамъ, никакого постояннаго жилища, никакого постояннаго занятія, для того, чтобы ты жилъ гдѣ захочешь, и избиралъ бы занятія, какія пожелаешь. Всѣ другія существа связаны условіями своей природы, ты же самъ рѣшишь, чѣмъ тебѣ быть. Я не создалъ тебя ни смертнымъ, ни безсмертнымъ, для того, чтобы ты самъ могъ быть своимъ собственнымъ ваятелемъ и принять ту форму, какую пожелаешь: ты можешь унизиться до животнаго и возвыситься до ангела“.

Когда подобныя воззрѣнія на достоинство человѣческой природы, возникшія на почвѣ изученія классической литературы,

стали укореняться въ обществѣ, они неминуемо должны были оказать вліяніе на измѣненіе педагогическихъ идеаловъ. Еще за нѣсколько десятковъ лѣтъ до рѣчи Пико дѣлаются въ Италіи попытки преобразованія школы на началахъ гуманизма. Замѣчательнѣйшая попытка въ этомъ направленіи принадлежитъ падуанскому гуманисту Витторино да-Фельтре, котораго по всей справедливости слѣдуетъ считать отцомъ новой педагогіи. Витторино происходилъ изъ бѣдной семьи: онъ родился въ 1378 г., въ деревушкѣ Фельтре, въ венеціанскихъ владѣніяхъ. Первоначальное образованіе онъ получилъ подъ руководствомъ знаменитаго странствующаго учителя риторики и латинскаго языка, Джіовани де-Равенна. Затѣмъ онъ поступилъ въ падуанскій университетъ, гдѣ содержалъ себя грошовыми уроками. Имѣя страстное влеченіе къ математикѣ и не имѣя чѣмъ заплатить единственному преподавателю этого предмета въ Падуѣ, Біаджіо Пелакане, Витторино, какъ впослѣдствіи Гайднъ, поступилъ въ услуженіе къ своему учителю и оплачивалъ личнымъ трудомъ даваемые ему уроки изъ геометріи. На его несчастье, Біаджіо былъ плохой и вялый преподаватель и, поучившись у него нѣсколько времени, Витторино замѣтилъ, что изъ его уроковъ толку выйдетъ мало, и самъ засѣлъ за Эвклида. Благодаря своимъ замѣчательнымъ способностямъ, Витторино сдѣлалъ въ скоромъ времени такіе быстрые успѣхи въ математикѣ, что самъ могъ преподавать этотъ предметъ. Въ 1414 г. мы встрѣчаемъ Витторино въ Венеціи въ качествѣ педагога-практика: онъ беретъ къ себѣ на воспитаніе нѣсколькихъ сыновей знатныхъ венеціанцевъ, а бѣдныхъ учитъ даромъ. Въ Венеціи Витторино знакомится и дружески сходится съ извѣстнымъ гуманистомъ Гварино изъ Вероны, который посвящаетъ его въ тайны греческаго языка. Приглашенный въ 1418 г. профессоромъ риторики въ свой родной университетъ, Витторино не бросилъ педагогіи и вскорѣ послѣ своего прибытія открылъ школу-пансіонъ для дѣтей всѣхъ сословій и состояній. Слава его, какъ педагога, до того распространилась по всей Италіи, что когда герцогъ мантуанскій, Джіанъ Франческо Гонзага, искалъ воспитателя для своихъ сыновей выборъ его остановился на Витторино. Принявъ лестное приглашеніе герцога, Витторино въ 1425 г. переѣхалъ въ Мантую. Герцогъ предоставилъ въ его распоряженіе великолѣпную виллу, построенную вдали отъ городского шума, на берегу озера, къ которой примыкали оливковыя и кипарисовыя рощи. Въ этой виллѣ, болѣе похожей на увеселительный дворецъ итальянскаго сибарита, чѣмъ на школу,

поселился Витторино съ сыновьями герцога, ихъ слугами и знатными сверстниками. На содержаніе виллы были отпускаемы значительныя суммы; за обѣдомъ играла въ саду музыка, подъ звуки которой раздушенные лакеи разносили избалованнымъ и разодѣтымъ въ бархатъ и шелкъ воспитанникамъ изысканныя кушанья. Первымъ дѣломъ Витторино было уничтожить эту роскошную и вредную въ педагогическомъ отношеніи обстановку и ввести въ школу строгій режимъ. Музыка умолкла, утонченныя блюда были замѣнены простыми кушаньями; воспитанники одѣлись въ простое платье. Изъ знатныхъ сверстниковъ юныхъ герцоговъ Витторино выбралъ нѣсколько мальчиковъ, менѣе избалованныхъ и болѣе способныхъ къ труду, а остальныхъ отправилъ по домамъ. Эта рѣшительная мѣра вызвала нареканіе со стороны ихъ родителей, которые обратились къ герцогу съ жалобой на пріѣзжаго педагога. Когда слухи объ этомъ дошли до Витторино, онъ немедленно отправился во дворецъ, изложилъ герцогу свой планъ воспитанія и послѣдній безусловно одобрилъ всѣ его распоряженія. Получивъ отъ герцога всѣ необходимыя средства и право широко пользоваться кредитомъ въ казначействѣ, Витторино ревностно принялся за реорганизацію школы, въ которой хотѣлъ строго провести свою педагогическую теорію. Хотя школа первоначально, по мысли герцога, предназначалась для его сыновей и дѣтей придворныхъ, но Витторино не замедлилъ широко раскрыть ея двери для дѣтей всѣхъ сословій, какъ богатыхъ, такъ и бѣдныхъ. Для послѣднихъ онъ устроилъ невдалекѣ отъ школы пріютъ, гдѣ онъ ихъ содержалъ, одѣвалъ и снабжалъ необходимыми учебными пособіями.

Въ виду того, что мантуанская школа была древнѣйшимъ среднимъ учебнымъ заведеніемъ въ Европѣ, построеннымъ на новыхъ началахъ, я считаю не лишнимъ войти въ нѣкоторыя подробности ея устройства. Идеаломъ Витторино былъ Аѳинскій Гимнасій, гдѣ обращалось одинаковое вниманіе, какъ на умственное, такъ и на физическое воспитаніе юношества, а цѣлью его педагогіи было образованіе нравственнаго характера. Вотъ почему въ мантуанской школѣ учебныя занятія чередовались съ играми и физическими упражненіями на свѣжемъ воздухѣ. Каждый день въ извѣстные часы во всякую погоду ученики упражнялись въ бѣгѣ, борьбѣ, плаваніи, игрѣ въ мячъ, стрѣльбѣ изъ лука; иногда имъ позволялось охотиться и ловить рыбу. Лѣтомъ они дѣлали подъ руководствомъ наставниковъ дальнія экскурсіи въ Верону, къ Гардскому озеру и даже на Альпы. Въ основу преподаванія

положены были древніе языки, которые въ старшихъ классахъ преподавалъ самъ Витторино. Изъ классиковъ онъ объяснялъ въ классѣ лишь тѣхъ, которые могли вліять нравственно-воспитательнымъ образомъ на юношество. Изъ поэтовъ онъ цѣнилъ выше прочихъ Виргилія, Гомера и Лукана; изъ историковъ онъ отдавалъ предпочтеніе Т. Ливію, изъ ораторовъ—Цицерону, изъ философовъ—Платону. Методъ преподаванія въ мантуанской школѣ былъ простъ, ясенъ и всегда примѣненъ къ возрасту и способностямъ учащихся. Параллельно съ чтеніемъ классиковъ шли занятія математикой, въ которой Витторино видѣлъ превосходное средство для гимнастики ума, и которой онъ хотѣлъ замѣнить схоластическую діалектику. Хотя педагогическіе труды раздѣляли съ Витторино нѣсколько учителей, но душою преподаванія и всей школы былъ онъ одинъ. Онъ жилъ съ своими учениками какъ отецъ съ дѣтьми, онъ отдавалъ имъ все свое время и всѣ свои средства. Для нихъ онъ отказался отъ радостей семейной жизни и сдѣлался почти анахоретомъ; и когда друзья совѣтовали ему жениться, чтобы имѣть сыновей, подобныхъ себѣ, онъ шутя отвѣчалъ, намекая на свою школу, что у него и безъ того слишкомъ много сыновей. Помня завѣтъ Платона, что свободное существо нужно воспитывать свободно, безъ всякаго насилія, Витторино старался дѣйствовать убѣжденіемъ и только въ весьма крайнихъ случаяхъ прибѣгалъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ. Когда же его старанія увѣнчались нѣкоторымъ успѣхомъ, онъ обдуманно и безповоротно рѣшился на смѣлый шагъ и изгналъ изъ своей школы всякія тѣлесныя наказанія. Строгая дисциплина, введенная имъ въ школу, единственно держалась силою нравственнаго вліянія этого необыкновеннаго человѣка, умъ котораго, по выраженію современника, былъ озаренъ лучомъ божественной благодати. Смиривъ свою пылкую натуру, служа самъ нравственнымъ примѣромъ своимъ воспитанникамъ, Витторино считалъ себя въ правѣ требовать и отъ другихъ борьбы съ природными инстинктами и неуклоннаго исполненія долга. Весело и бойко велось дѣло преподаванія, хорошо жилось воспитанникамъ въ школѣ Витторино, которую современники называли *Веселымъ Домомъ* (Casa Giocosa), но было бы неосновательно думать, что въ устроенной на греческій манеръ мантуанской школѣ религіозное образованіе стояло на послѣднемъ планѣ. Обязанный своимъ общимъ образованіемъ классикамъ, Витторино, тѣмъ не менѣе, былъ чуждъ свойственнаго большинству итальянскихъ гуманистовъ религіознаго индиферентизма и языческихъ увлеченій. Школа его была

проникнута истинно-религіознымъ духомъ; церковныя правила и посты исполнялись строго, ученики ежедневно должны были присутствовать при богослуженіи, а во время обѣда, въ антрактахъ между блюдами, имъ читалось Св. Писаніе. Единственнымъ пробѣломъ въ образцовой во всѣхъ отношеніяхъ мантуанской школѣ было отсутствіе преподаванія естественныхъ наукъ, которыя Витторино исключилъ, вѣроятно, потому, что въ его время было трудно найти для нихъ преподавателей.

Витторино не оставилъ послѣ себя никакихъ педагогическихъ сочиненій. Онъ былъ того мнѣнія, что лучше хорошо дѣйствовать, чѣмъ хорошо писать; но здравыя педагогическія начала, проводимыя имъ на практикѣ, нашли себѣ систематическое выраженіе въ сочиненіяхъ двухъ его современниковъ, Вержеріо и Веджіо, которыхъ можно назвать научными основателями новой теоріи воспитанія. Небольшой трактатъ падуанскаго профессора Паоло Вержеріо, *De Ingeniis, Moribus et liberalibus Studiis*, написанный въ началѣ XV в., замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что въ немъ въ ясной и сжатой формѣ изложены принципы новой системы воспитанія, выросшей на почвѣ гуманизма. Въ основѣ этой системы лежатъ слѣдующія положенія: 1) цѣль воспитанія состоитъ въ правильномъ развитіи всѣхъ силъ и способностей человѣка, какъ умственныхъ, такъ и физическихъ; 2) при преподаваніи нужно принимать во вниманіе не только возрастъ ученика, но и особенности его индивидуальности; 3) такъ какъ на живую и воспріимчивую душу ученика сильнѣе можно дѣйствовать живымъ примѣромъ, нежели мертвыми правилами, то лучшее средство возбудить въ немъ благородное соревнованіе—это познакомить его съ жизнью великихъ людей, которыми такъ богата классическая древность, и 4) образованіе должно быть главнымъ образомъ основано на изученіи свободныхъ наукъ; во главѣ ихъ стоитъ философія, дѣлающая людей умственно свободными; за ней слѣдуетъ наука о краснорѣчіи, научающая насъ выражать ясно и изящно наши мысли; естествовѣдѣніе, научающее насъ постигать гармонію всего сущаго, и, наконецъ, исторія, излагающая ходъ и развитіе предшествующихъ наукъ и снабжающая насъ массой полезныхъ примѣровъ. Въ развитіи этихъ положеній Вержеріо обнаруживаетъ значительную начитанность въ классическихъ авторахъ, большой педагогическій тактъ и тонкое знаніе человѣческой природы. Таковы, напр., его замѣчанія, что умъ ученика больше развивается основательнымъ изученіемъ одного сочиненія, чѣмъ поверхностнымъ чтеніемъ многихъ, что излишнее

обремененіе памяти массой мелкихъ фактовъ ведетъ къ ея переутомленію и окончательному ослабленію, что какъ отсутствіе дисциплины въ школѣ, такъ и слишкомъ суровая дисциплина дѣйствуютъ одинаково вредно: въ первомъ случаѣ духъ ученика, такъ сказать, распускается, лишается выдержки и способности къ труду, во второмъ—замученный ученикъ лишается всякой энергіи, всякой иниціативы, ибо кто всего боится, тотъ не въ силахъ предпринять что-либо. Большей обстоятельностью и систематичностью отличается трактатъ римскаго педагога Маттео Веджіо *De liberorum Educatione*, пользовавшагося, кромѣ Верджеріо, также Квинтиліаномъ и Плутархомъ, сочиненіе котораго *о Воспитаніи* было переведено на латинскій языкъ Гварино. Это уже настоящая педагогика, слѣдящая за воспитаніемъ ребенка съ самаго его рожденія. Веджіо, какъ впослѣдствіи Руссо, горячо возстаетъ противъ обычая отдавать дѣтей кормилицамъ и сильно настаиваетъ на томъ, чтобы матери сами кормили дѣтей своихъ. Правильное развитіе духа и тѣла, укорененіе въ ребенкѣ посредствомъ хорошихъ примѣровъ добродѣтельныхъ навыковъ, должно быть, по мнѣнію Веджіо, цѣлью всякаго воспитанія. Отправляясь отъ мысли Верджеріо, что при преподаваніи слѣдуетъ обращать вниманіе не только на возрастъ ребенка, но и на его индивидуальныя особенности, Веджіо подробно останавливается на этой индивидуальной психологіи. По мнѣнію Веджіо, между натурами дѣтей существуетъ разнообразіе въ такой сильной степени, что легче солнце совратить съ пути, нежели измѣнить прирожденныя духовныя наклонности ребенка. Разнообразію человѣческихъ натуръ должны соотвѣтствовать разнообразныя средства ихъ воспитанія. Съ пылкимъ и дерзкимъ ребенкомъ нужно обращаться иначе, чѣмъ съ робкимъ и нѣжнымъ. Тоже самое должно имѣть въ виду и при ихъ умственномъ воспитаніи. На этомъ основаніи Веджіо не совѣтуетъ родителямъ отдавать дѣтей въ школы, гдѣ много учениковъ, ибо при большомъ количествѣ учениковъ даже лучшій учитель не въ состояніи постоянно принимать въ расчетъ индивидуальныя особенности каждаго и сообразить съ ними свое преподаваніе и обращеніе. Взятое въ цѣломъ, сочиненіе Веджіо есть только болѣе систематическое развитіе принциповъ, высказанныхъ его предшественникомъ, но въ частностяхъ у него есть нѣкоторыя отступленія и нововведенія; такъ, подъ вліяніемъ Витторино, онъ исключаетъ изъ преподаванія естественныя науки, но зато, подъ тѣмъ же вліяніемъ, обращаетъ большее вниманіе на религіозную

сторону воспитанія и одинаково прилагаетъ свои педагогическіе принципы, какъ къ воспитанію мальчиковъ, такъ и къ воспитанію дѣвочекъ.

Я остановился довольно подробно на трехъ главныхъ піонерахъ новой педагогіи, потому что ихъ теоріи оказали немалое вліяніе на Эразма, Рабле, Монтеня, а черезъ нихъ и на всю новѣйшую науку о воспитаніи. Самое раннее и самое обстоятельное изложеніе новыхъ педагогическихъ принциповъ мы встрѣчаемъ во многихъ сочиненіяхъ знаменитѣйшаго европейскаго гуманиста Эразма Роттердамскаго. При оцѣнкѣ взглядовъ Эразма, не нужно упускать изъ виду, что въ его время схоластическая система воспитанія еще не была вполнѣ устранена и что ему приходилось столько же сѣять новое, сколько заботиться объ искорененіи дурного стараго. Вслѣдствіе этого, его педагогическія разсужденія носятъ въ большей или меньшей степени полемическій характеръ. Отличительная черта педагогическихъ взглядовъ Эразма—это глубокое уваженіе къ святынѣ дѣтскаго возраста. По его словамъ, дѣти суть храмины Св. Духа, съ которыми нужно обращаться бережно и любовно. Въ противоположность Веджіо, придававшему слишкомъ большое значеніе природнымъ свойствамъ ребенка, Эразмъ утверждалъ, что воспитаніе можетъ пересоздать самую природу; все дѣло въ томъ, чтобы оно захватило ребенка въ самомъ нѣжномъ возрастѣ и руководствовало бы каждымъ шагомъ его. По Эразму воспитаніе необходимо должно пройти слѣдующія ступени: прежде всего нужно заронить въ воспріимчивую душу ребенка сѣмена благочестія, внушить любовь къ Творцу и увѣренность, что Ему извѣстны не только всѣ дѣла наши, но и самыя помышленія; когда такимъ образомъ почва для воспріятія науки будетъ достаточно подготовлена, можно приступить къ преподаванію наукъ, и въ заключеніе развить въ ученикѣ чувство долга, научить обращенію съ людьми. Начать обученіе можно съ семи или восьми лѣтъ, смотря по физическому и умственному развитію ребенка. Такъ какъ этотъ нѣжный возрастъ любитъ игры и забавы, то нужно устроить такъ, чтобъ самое ученіе имѣло характеръ забавы и развлеченія. Хуже всего, если ребенокъ получитъ отвращеніе отъ науки раньше, чѣмъ узнаетъ, за что нужно любить ее. Первая забота родителей должна состоять въ пріисканіи хорошаго учителя. По мнѣнію Эразма, чтобъ имѣть благотворное вліяніе на развитіе ученика, школьный учитель долженъ обладать массой самыхъ разнообразныхъ свѣдѣній. „По философіи онъ долженъ изучить Платона, Аристотеля,

Теофраста и Плотина; по богословію, кромѣ Св. Писанія, онъ долженъ быть знакомъ съ сочиненіями отцовъ церкви; по географіи, служащей весьма важнымъ вспомогательнымъ средствомъ при изученіи исторіи, ему слѣдуетъ знать сочиненія Помпонія Мелы, Птоломея, Плинія и Страбона. Изъ поэтовъ онъ долженъ ограничиться Гомеромъ и Овидіемъ; но зато онъ долженъ знать все, что можетъ служить для объясненія ихъ твореній. Вы можете сказать, что я возлагаю на плечи учителя, долженъ быть, непосильное бремя. Это справедливо, но обременяя одного, я этимъ самымъ облегчаю бремя многихъ. Я требую, чтобъ учитель прошелъ всю область человѣческаго вѣдѣнія, для того, чтобъ избавить учениковъ дѣлать самимъ то же самое" (De Ratione Studii, 1512). Но всего этого еще недостаточно для хорошаго учителя; нужно, чтобъ, кромѣ свѣдѣній, онъ обладалъ бы высокимъ нравственнымъ развитіемъ, чтобы онъ умѣлъ обращаться съ дѣтьми и внушать имъ любовь и уваженіе къ себѣ. „Первое условіе успѣха—любовь ученика къ своему наставнику. Современемъ ребенокъ, полюбившій науку ради своего наставника, перенесетъ на него всю свою любовь къ знанію. Подобно тому, какъ цѣнность подарка зависитъ отъ лица, которое намъ даритъ его, такъ и наука въ дѣтскомъ возрастѣ, гдѣ еще не развитъ разсудокъ, возбуждаетъ любовь потому, что исходитъ отъ любимаго наставника". *(De pueris liberaliter instituendis)*. Принимая постоянно въ соображеніе нѣжный организмъ ребенка, Эразмъ возстаетъ противъ продолжительныхъ уроковъ, могущихъ утомить вниманіе учениковъ, и совѣтуетъ чаще возобновлять занятія, чередуя ихъ съ отдыхомъ и прогулками. Такъ какъ дѣтскій возрастъ обладаетъ способностью легко усвоивать себѣ языки, то обученіе ребенка всего лучше начинать съ нихъ. Обученіе классическимъ языкамъ должно быть по преимуществу практическое; изъ грамматики нужно сообщать только самыя твердыя правила, безъ которыхъ нельзя обойтись. По мнѣнію Эразма, весьма полезно преподавать параллельно грамматики обоихъ древнихъ языковъ, такъ какъ при сходствѣ ихъ строя грамматика одного помогаетъ къ лучшему усвоенію грамматики другого. Эразмъ признаетъ также полезнымъ письменныя упражненія въ латинскомъ языкѣ и переводы съ греческаго на латинскій, но онъ горячо возстаетъ противъ жалкаго и безполезнаго цицеронничанья, противъ недостижимой задачи усвоить себѣ, во что бы то ни стало, стиль Цицерона, и видитъ въ этой модѣ дурной примѣръ принесенія содержанія въ жертву формѣ. Въ своемъ знаменитомъ разговорѣ *Ciceronianus*

онъ всей силой своего остроумія обрушивается на нелѣпыхъ педантовъ, которые читаютъ только Цицерона, знаютъ сколько разъ извѣстное слово употреблено Цицерономъ и, начиная свои періоды цицероновскими частицами *Etsi*, *Quamquam*, *Quum*, не шутя воображаютъ себя Цицеронами. Когда ученикъ обладаетъ порядочнымъ запасомъ словъ и усвоитъ себѣ главныя грамматическія правила обоихъ древнихъ языковъ, тогда можно начать съ нимъ чтеніе латинскихъ и греческихъ авторовъ. Толковое чтеніе классиковъ, при чемъ главное вниманіе обращается не на внѣшнія особенности слога и грамматическія тонкости, но на внутреннее содержаніе,—составляетъ, по мнѣнію Эразма, краеугольный камень гуманнаго образованія. Никто лучше Эразма не сумѣлъ оцѣнить всѣ нравственно-воспитательные элементы, заключающіеся въ произведеніяхъ классическихъ писателей. Въ его *Colloquia* этому вопросу посвященъ цѣлый разговоръ, подъ заглавіемъ „*Религіозный Пиръ*“. Здѣсь Эразмъ утверждаетъ, что духъ христіанства распространяется гораздо больше, чѣмъ мы думаемъ, и что среди великихъ людей древности есть немало такихъ, которые по святости своей жизни и по возвышенности своихъ нравственныхъ воззрѣній могутъ быть поставлены рядомъ съ христіанскими святыми. Онъ сознается, что никогда не могъ читать Цицерона *О Дружбѣ* и *О Старости*, чтобъ среди чтенія не приложить къ губамъ страницъ, написанныхъ этимъ, какъ бы вдохновеннымъ Духомъ Божіимъ, человѣкомъ. Кромѣ филологическаго и литературнаго образованія, которое играетъ главную роль во всѣхъ педагогическихъ теоріяхъ гуманистовъ, Эразмъ совѣтуетъ наставнику сообщать ученикамъ реальныя свѣдѣнія изъ исторіи, географіи и естественныхъ наукъ; послѣднія, впрочемъ, не чисто въ значеніи самостоятельныхъ предметовъ и преподаются въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для объясненія классиковъ.—Подобно своему предшественнику Веджіо, Эразмъ предпочитаетъ школы съ небольшимъ количествомъ учениковъ, какъ домашнему воспитанію, такъ и многолюднымъ общественнымъ заведеніямъ, ибо въ первомъ случаѣ невозможно благородное соревнованіе въ занятіяхъ, которое онъ считаетъ важнымъ условіемъ успѣха, а въ послѣднемъ учитель не имѣетъ возможности узнать натуру каждаго ученика.

Оставляя въ сторонѣ сочиненія протестантскихъ педагоговъ, которыя въ большей или меньшей степени проникнуты теологическимъ духомъ, я перехожу къ прямому наслѣднику Эразма и итальянскихъ гуманистовъ—знаменитому французскому романи-

сту и сатирику Франсуа Рабле, который не только усвоилъ себѣ все, что было лучшаго въ ихъ теоріяхъ, но повелъ дѣло дальше и, устранивъ пробѣлы и ошибки своихъ предшественниковъ, далъ намъ свою собственную теорію воспитанія, поражающую широтою взгляда, практичностью и здравымъ смысломъ. Испытавъ, подобно Эразму, на собственной кожѣ всѣ прелести схоластическаго воспитанія, съ его бездушнымъ формализмомъ и варварской дисциплиной, Рабле въ своемъ знаменитомъ сатирическомъ романѣ *Гаргантюа* написалъ злую сатиру на старую педагогическую систему и для большей рельефности изобразилъ ее въ карикатурномъ видѣ. Но, какъ истинный геній, разрушая одной рукой, онъ въ то же время созидалъ другой, и вслѣдъ за карикатурой на схоластическое воспитаніе, онъ рисуетъ идеалъ новаго гуманистическаго воспитанія, въ которомъ нашли себѣ осуществленіе и развитіе самыя горячія мечты Витторино, Вержеріо, Веджіо и Эразма. Рабле разсказываетъ, что когда пришло время воспитывать гиганта Гаргантюа, отецъ его Грангузье приставилъ къ нему въ качествѣ наставника доктора богословія Тубала Олоферна. Учитель началъ свое преподаваніе съ азбуки; на обученіе ей было употреблено пять лѣтъ и три мѣсяца; но зато и результаты получились блестящіе; ученикъ могъ проговорить когда угодно по порядку безъ запинки всѣ буквы азбуки, какъ съ начала, такъ и съ конца. Потомъ учитель засадилъ Гаргантюа за грамматику Доната, за книгу Іоанна Гарланда De Modis Significandi, со всѣми комментаріями на нее. На изученіе всей этой схоластической премудрости потребовалось 18 лѣтъ 11 мѣсяцевъ и 3 недѣли, но зато Гаргантюа овладѣлъ ею въ совершенствѣ и могъ проговорить любой изъ изученныхъ текстовъ наизусть не только съ начала, но и съ конца. Религіозное воспитаніе шло рука объ руку съ научнымъ; ежедневно Гаргантюа отправляли въ церковь, гдѣ онъ заразъ выслушивалъ отъ 26 до 30 мессъ, а по окончаніи богослуженія, прогуливаясь по монастырскому саду, бормоталъ себѣ подъ носъ *Отче нашъ* столько разъ, сколько этого не сдѣлать и шестнадцати отшельникамъ. Даже наставникъ не выдержалъ этого искуса, онъ умеръ на шестнадцатомъ году преподаванія и былъ немедленно замѣненъ другимъ педагогомъ того же пошиба, магистромъ Бриде, который читалъ съ Гаргантюа грамматику Гугуція, книгу Грецизмовъ Гебрарда, Доктриналь францисканскаго монаха Александра де-Вильдье и т. п. поучительныя сочиненія. Старый король былъ вполнѣ доволенъ прилежаніемъ сына; одно только казалось ему страннымъ: чѣмъ болѣе Гарган-

тюа учился, тѣмъ онъ становился глупѣе. Это систематическое отупѣніе сына начало серьезно безпокоить короля, и онъ обратился за совѣтомъ къ своему сосѣду, Филиппу де-Маре, вице-королю баснословной страны Папелиглосовъ. Тотъ съ первыхъ же словъ разъяснилъ смущенному Грангузье, что виноваты во всемъ наставники, которые хоть кого могутъ оболванить своей наукой, ибо самая ихъ наука есть ничто иное, какъ глупость (car leur sçavoir n'est que besterie). „Назовите меня комомъ сала,— сказалъ въ заключеніе Филиппъ де-Маре,—если любой юноша, проучившійся всего два года у новыхъ учителей, не окажется умнѣе, краснорѣчивѣе и находчивѣе въ обществѣ, чѣмъ вашъ сынъ". Старый король соглашается на опытъ и велитъ позвать сына, а Филиппъ де-Маре, съ своей стороны, велитъ позвать своего пажа, двѣнадцатилѣтняго мальчика, по имени Эвдемона. Скромно поклонившись присутствовавшимъ, Эвдемонъ обратился къ Гаргантюа съ привѣтствіемъ; въ приличныхъ выраженіяхъ онъ сначала воздалъ дань уваженія царственному происхожденію Гаргантюа, его красотѣ, учености и добродѣтели, потомъ превознесъ похвалами Грангузье за его заботы о воспитаніи сына, убѣждалъ Гаргантюа почитать и слушаться такого отца, и въ заключеніе просилъ Гаргантюа считать его послѣднимъ изъ своихъ слугъ. Все это было сказано такъ ясно, краснорѣчиво, такимъ хорошимъ латинскимъ языкомъ и съ такими соотвѣтственными рѣчи жестами, что Эвдемонъ больше походилъ на Гракха или на Цицерона, чѣмъ на современнаго юношу. Гаргантюа хотѣлъ что-то отвѣчать, но языкъ его, привыкшій повторять только заученныя слова, не слушался его: онъ сопѣлъ, кряхтѣлъ и, наконецъ, заревѣлъ, какъ корова. Тутъ король убѣдился, что сосѣдъ его правъ; онъ тотчасъ отказалъ старому педагогу и, взявши въ наставники къ сыну Понократа, учителя Эвдемона, отправилъ его вмѣстѣ съ сыномъ въ Парижъ. Въ лицѣ Понократа выведенъ привлекательный типъ педагога-гуманиста. Проф. А. Н. Веселовскій въ своемъ превосходномъ этюдѣ о Раблѣ (Вѣстн. Евр. 1878. Мартъ) весьма вѣрно замѣтилъ, что основную черту средневѣковаго воспитанія составляла его книжность, его безжизненный формализмъ. Въ средневѣковыхъ школахъ изучали не самый предметъ, но книгу о немъ; всякая новая книга заимствовалась изъ предыдущей, толкуя ее, объясняя или затемняя ея содержаніе искусственными формулами. Ученикъ отправлялся не отъ факта, не отъ непосредственнаго наблюденія, но отъ отысканной въ книгѣ готовой формулы, которую ему оставалось лишь задол-

бить, либо опровергать какимъ-либо силлогизмомъ или формулой, заимствованными изъ другой книги. Понократъ вывелъ своего воспитанника изъ душной комнаты на свѣжій воздухъ, пріучилъ его къ наблюденію и непосредственному изученію природы и жизни. Педагогическое искусство новаго педагога въ особенности проявилось въ распредѣленіи времени; ни одинъ часъ его не пропадалъ даромъ для ученика. При прежнихъ наставникахъ Гаргантюа просыпался не ранѣе восьми часовъ утра и часъ или два валялся въ постели; теперь его поднимали въ четыре часа и заставляли немедленно умываться и одѣваться. Во время утренняго туалета ему прочитывалась страница изъ Св. Писанія, нерѣдко возбуждавшая въ немъ желаніе молиться. Затѣмъ учитель выводилъ ученика на свѣжій воздухъ, наблюдалъ вмѣстѣ съ нимъ состояніе неба, разъяснялъ положеніе солнца, возрастъ луны и т. д. Тутъ же происходило повтореніе вчерашняго урока; и всякій разъ учитель пользовался этимъ случаемъ, чтобы указать на тѣ практическія примѣненія, которыя можно извлечь изъ урока. Послѣ легкаго завтрака, слѣдовали три часа чтенія и классныхъ занятій, по окончаніи которыхъ учитель и ученикъ играли въ мячъ и предавались физическимъ упражненіямъ вплоть до самаго обѣда. Во время стола читали вслухъ что-нибудь веселое и занимательное, чаще всего какой-нибудь рыцарскій романъ, при чемъ учитель искусно наводилъ разговоръ на предметы, имѣющіе отношеніе къ столу: на хлѣбъ, вино, рыбу, фрукты, зелень, сообщалъ свѣдѣнія объ ихъ приготовленіи, подкрѣпляя свои мнѣнія ссылкою на мѣста изъ произведеній классическихъ писателей, которыя тутъ же и прочитывались. Прочитавъ послѣобѣденную молитву, Понократъ и Гаргантюа садились за карты, играющія въ системѣ Рабле роль не только развлеченія, но и поученія, ибо нечувствительно пріучали Гаргантюа къ ариѳметическимъ вычисленіямъ. Черезъ часъ карты смѣнялись урокомъ, который, какъ и утромъ, продолжался ровно три часа и заканчивалъ собою классныя занятія. Покончивъ съ книжнымъ ученьемъ, учитель и ученикъ снова выходили на воздухъ. Здѣсь на смѣну Понократу являлся учитель гимнастики, подъ руководствомъ котораго юный Гаргантюа упражнялся въ фехтованіи, борьбѣ, верховой ѣздѣ, плаваньи и т. д. Умывшись и перемѣнивъ платье, Гаргантюа съ Понократомъ, гербаризируя дорогой, шли домой, гдѣ ихъ ждалъ обильный ужинъ, приправленный чтеніемъ и развивающей бесѣдой. Учебный день заканчивался урокомъ астрономіи и молитвой. Въ ненастные дни измѣнялся не только порядокъ занятій, но и

самыя занятія. Гаргантюа производилъ физическія упражненія на дому, пилилъ и рубилъ дрова и, кромѣ того, занимался искусствами, музыкой, живописью и ваяніемъ. Въ эти дни Понократъ откладывалъ въ сторону книгу и давалъ своему ученику не менѣе поучительные уроки практической жизни, посѣщалъ съ нимъ фабрики, мастерскія, суды, слушалъ проповѣди и т. д. Такова, м. г., педагогическая теорія, завѣщанная человѣчеству однимъ изъ самыхъ оригинальныхъ мыслителей эпохи Возрожденія! Что идеи Рабле были усвоены и развиты Монтенемъ, Коменскимъ, Локкомъ, и черезъ ихъ посредство сдѣлались достояніемъ новѣйшей педагогіи—это доказано Гизо, Арнштедтомъ и др. учеными, и потому, оставляя этотъ вопросъ въ сторонѣ, я въ заключеніе скажу нѣсколько словъ о значеніи педагогическихъ теорій эпохи Возрожденія для современной школы. Не помню, кто сказалъ, что лучшій учитель скромности—исторія. Кто знаетъ только послѣдній фазисъ развитія извѣстнаго принципа, тотъ склоненъ подумать, что этотъ фазисъ есть не только послѣдній, но и самый высшій. Но исторія лишаетъ насъ этого пріятнаго самообольщенія. Конечно, современная школа имѣетъ громадныя преимущества передъ школой эпохи Rennaisance. Главное ея преимущество состоитъ въ томъ, что она разсчитана не на аристократическое меньшинство, но на массу, которая радушно пріобщается теперь благамъ просвѣщенія; безспорно, что самый методъ преподаванія у насъ лучше, что наша школа сообщаетъ больше научныхъ свѣдѣній, чѣмъ школа XVI вѣка. Но при всемъ томъ есть пункты, по которымъ наша школа, несомнѣнно, осталась позади. Гдѣ въ нашихъ школахъ мы встрѣтимъ то гармоническое развитіе духа и тѣла, которое, по ученію педагоговъ-гуманистовъ XV и XVI вѣка, составляетъ задачу воспитанія? Какая изъ нашихъ гимназій ставитъ своей цѣлью развить нравственно характеръ воспитанника и закалить его для предстоящей борьбы съ жизнью? Гдѣ у насъ читаютъ классиковъ такъ, какъ училъ ихъ читать Эразмъ, заповѣдавшій обращать главное вниманіе не на форму, стиль и грамматическія тонкости классическихъ писателей, а на тотъ духъ гуманности и свободы, который вѣетъ изъ ихъ произведеній? Гдѣ мы найдемъ въ настоящее время педагоговъ разностороннихъ, какъ Понократъ, и подобно ему умѣющихъ расширить кругозоръ ученика и сблизить въ своемъ преподаваніи науку съ жизнью?

Всѣмъ извѣстны недостатки нашей, вновь преобразованной, классической школы, которой въ будущемъ предстоитъ, по всей

вѣроятности, еще немало преобразованій. Было бы весьма желательно, чтобы будущіе преобразователи нашей классической школы по временамъ прислушивались къ урокамъ исторіи, оборачивались бы назадъ и хоть отчасти почерпали свое педагогическое вдохновеніе не въ современныхъ только школьныхъ порядкахъ запада, во многомъ отзывающихся схоластикой и мертвымъ формализмомъ, но изрѣдка обращались бы къ великимъ гуманистамъ-педагогамъ эпохи Возрожденія, оставившимъ намъ въ своихъ сочиненіяхъ идеалы гармоническаго, разносторонняго и вмѣстѣ гуманно-классическаго воспитанія.

№ 110248

73662
ЛЕНИНГРАДСКАЯ
ЦЕНТРАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
ул. Ломон. 3

Джордано Бруно, какъ поэтъ, сатирикъ и драматургъ *).

М. Г.! Мои уважаемые предшественники ярко освѣтили личность и міросозерцаніе Дж. Бруно, коснулись разныхъ сторонъ его характера и дѣятельности; только одной стороны—именно стороны литературной—они съ умысломъ не затронули, любезно предоставивъ ее мнѣ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что для полной характеристики Бруно оцѣнка этой стороны его таланта и дѣятельности положительно необходима. Бруно былъ не только философъ, но поэтъ и сатирикъ; онъ мыслилъ поэтически; онъ обладалъ замѣчательнымъ литературнымъ талантомъ и облекалъ свои философскія воззрѣнія въ оригинальную литературную форму. Въ его философскихъ построеніяхъ фантазія играетъ едва-ли не большую роль, чѣмъ трезвый умъ и строгая логика. Этимъ свойствомъ ума Бруно отчасти объясняется его любовь къ Пиѳагору и Платону и ненависть къ Аристотелю. По мнѣнію Бруно, художественная способность необходима для философа, ибо философы суть до нѣкоторой степени живописцы и поэты. Тотъ не философъ, кто не изображаетъ и не творитъ **). Изученіе поэтическихъ и философскихъ произведеній древняго и новаго міра было въ молодости любимымъ занятіемъ Бруно, и чтобы безпрепятственнѣе предаваться этимъ занятіямъ, онъ, подобно своему знаменитому предшественнику Бернардино Телезіо, добровольно заключилъ себя въ монастырь ***). Однимъ изъ раннихъ

*) Статья эта была читана въ апрѣлѣ 1885 г. на соединенномъ публичномъ засѣданіи двухъ обществъ—Психологическаго и Любителей Россійской Словесности по случаю открытія въ Римѣ памятника Джордано Бруно.

**)Philosophi sunt quodammodo pictores atque poetae.—Non est philosophus nisi fingit et pingit.

***) Bartholmess, Giordano Bruno, T. 1. p. 32.

произведеній Бруно была сатира *Ноевъ Ковчегъ*, въ которой онъ изобразилъ различные классы человѣческаго общества подъ видомъ различныхъ породъ звѣрей, собранныхъ попарно въ ковчегъ. Хотя Ноевъ ковчегъ и не дошелъ до насъ, но изъ руководящей роли, предоставленной въ немъ ослу, которому сами боги поручили управленіе кораблемъ, можно безошибочно заключить, что это было произведеніе сатирическаго характера. Покинувъ тайно Неаполь и отрѣзавъ себѣ возвратъ въ Италію, Бруно предается усиленной дѣятельности; онъ пропагандируетъ свои идеи съ каѳедры и въ разъясненіе ихъ издаетъ цѣлый рядъ трактатовъ. Издавъ въ Парижѣ нѣсколько философскихъ сочиненій на латинскомъ языкѣ, онъ переѣзжаетъ въ Лондонъ и печатаетъ тамъ рядъ діалоговъ на родномъ языкѣ, изъ которыхъ три скорѣе можно назвать памфлетами, чѣмъ философскими трактатами. Какъ ни мастерски владѣлъ Бруно латинскимъ языкомъ, все-таки ему нерѣдко приходилось жертвовать идеей формѣ и сдерживать капризы своей фантазіи въ угоду латинской стилистикѣ. Только въ итальянскихъ произведеніяхъ онъ является вполнѣ самимъ собою и даетъ полный просторъ причудливой оригинальности своего генія и своей необыкновенно-подвижной, порывистой, чисто-южной натурѣ. Примѣняясь къ характерамъ выводимыхъ лицъ, онъ съ необыкновенной быстротой мѣняетъ тонъ рѣчи, пересыпая ее блестками остроумія, мѣткими сравненіями, пословицами, анекдотами и тѣми народными прибаутками, тѣми lazzi, которыми приправлена рѣчь всякаго истаго неаполитанца. Этими достоинствами отчасти искупаются недостатки слога Бруно, происходящіе главнымъ образомъ оттого, что Бруно не заботился о стройномъ и систематическомъ изложеніи своихъ мыслей. Бюффонъ въ своемъ знаменитомъ Discours sur le style мѣтко замѣчаетъ, что великіе ораторы почти никогда не бываютъ хорошими писателями, потому что они пишутъ какъ говорятъ, забывая, что литературная форма имѣетъ свои особыя условія, что тутъ всегда нужно быть готовымъ приносить цвѣты краснорѣчія въ жертву ясности и стройности изложенія. А этого-то и не понималъ Бруно. Онъ писалъ какъ говорилъ; онъ импровизировалъ на бумагѣ, повторяясь на каждомъ шагу и поминутно отклоняясь отъ главнаго предмета, такъ что требуется не малое усиліе чтобы слѣдить за причудливымъ полетомъ его мысли. Оригинальную черту философскихъ разговоровъ Бруно составляютъ вставленные въ нихъ сонеты, изъ которыхъ нѣкоторые обладаютъ несомнѣнными поэтическими достоинствами. Почти каждому изъ своихъ произведе-

ній Бруно предпосылаетъ нѣсколько латинскихъ и итальянскихъ стихотвореній философскаго содержанія, въ которыхъ онъ излагаетъ въ стихотворной формѣ свои задушевныя убѣжденія; а одинъ изъ его обширныхъ философскихъ разговоровъ *Gli Eroici Furori* состоитъ изъ 70 сонетовъ и разъясненій къ нимъ, дѣлаемыхъ бесѣдующими лицами.—Чтобы дать вамъ понятіе о характерѣ лирическихъ произведеній Бруно, я приведу два его прекрасныхъ сонета въ русскомъ переводѣ. Сонеты эти предпосланы Бруно его философскому разговору *De L'Infinito Universo Mondi* и отличаются замѣчательной возвышенностью мысли и силою выраженія. Первый изъ нихъ, переведенный для настоящаго засѣданія студентомъ Л. И. Уманцемъ, дышитъ радостнымъ чувствомъ освобожденія отъ оковъ, и, по мнѣнію Льюса, написанъ вскорѣ послѣ бѣгства Бруно изъ монастыря:

Оставилъ я темницы мракъ суровый,
Гдѣ былъ томимъ ошибкой роковой,
Оставилъ я тяжелыя оковы
Лихой вражды завистливой и злой,
Нельзя меня во мракъ низвергнуть снова;
Пиѳона кто убилъ своей рукой
И въ море кровь излилъ струей багровой—
Тотъ спасъ меня изъ рукъ Мегеры злой.
Къ тебѣ несусь, стремлюсь, о звукъ чудесный,
Благодарю, о солнца лучъ небесный,
И отдаюсь тебѣ я всей душой!
Твоя рука изъ бездны и могилы
Меня спасла и лучшій путь открыла
И жизнь дала душѣ моей больной.

Бруно очень хорошо зналъ, что всякій, плывшій въ его время противъ теченія, рисковалъ почти навѣрное утонуть, но онъ презиралъ опасность и не страшился смерти, потому что въ самой смерти видѣлъ только переходъ къ лучшей жизни, гдѣ душа его сольется съ всемірнымъ духомъ, духомъ свѣта и любви, наполняющимъ собою всю вселенную. Подъ вліяніемъ этого бодраго и возвышеннаго чувства написанъ имъ слѣдующій сонетъ, которымъ онъ отвѣчалъ на закравшееся въ его душу предчувствіе близкой кончины:

«Что меня окрыляетъ? Что возвышаетъ мой духъ? Что заставляетъ меня презирать и судьбу и самую смерть? Что разрываетъ мои цѣпи и освобождаетъ меня изъ темницы, откуда весьма немногіе вышли невредимыми? Годы мѣсяцы, дни и часы, передъ которыми оказываются безсильными алмазъ и желѣзо, не производятъ на меня никакого вліянія. Увѣренными крыльями,

разсѣкая кристальный сводъ неба, я устремляюсь къ безконечному. Перелетая со сферы на сферу, я поднимаюсь все выше и выше въ воздушномъ пространствѣ, оставляя позади все то, что другіе вѣчно видятъ передъ собою».

Бруно былъ поэтъ особаго рода: не глубокое чувство, но философская мысль воспламеняла его фантазію. Въ одномъ стихотвореніи онъ воспѣваетъ Бога, какъ зиждущую силу всего сущаго, въ другомъ—матерію, какъ обнаруженіе внутренняго, какъ материнское лоно для всего живаго, какъ воплощеніе всемірнаго духа. Главной героиней сонетовъ Бруно является любовь, понимаемая имъ въ смыслѣ флорентинскихъ платониковъ, какъ синонимъ гармоніи и блага, какъ вѣчное стремленіе къ божественной красотѣ. Въ юности, когда кровь кипѣла, Бруно понималъ любовь въ обыкновенномъ смыслѣ слова: онъ увлекался женщинами и былъ ими въ свою очередь любимъ: Peramarunt me quoque nymphae—многозначительно замѣчаетъ онъ; но достигнувъ зрѣлаго возраста, онъ взглянулъ на это чувство съ болѣе возвышенной точки зрѣнія. Изъ страстнаго поклонника земной и конечной красоты онъ сдѣлался не менѣе страстнымъ поклонникомъ красоты вѣчной и безконечной. Бруно считалъ себя послѣдователемъ Петрарки, но утверждалъ, что существуетъ красота, болѣе достойная восторга, чѣмъ красота Лауры. „Похвально и естественно,—говоритъ онъ,—восхищаться красотой женщины! но посвятить воспѣванію ея всю жизнь, всѣ силы души—недостойно человѣка. Воздайте Кесарево Кесарю, но не забудьте воздать Божіе Богу. Завѣтъ Творца состоитъ въ томъ, чтобы человѣкъ обожалъ только вѣчную красоту, стремился къ вѣчному совершенству. Въ одномъ стихотвореніи Бруно сравнивалъ себя съ бабочкой, которая неудержимо стремится къ огню и погибаетъ въ немъ, съ жаждущимъ оленемъ, который стремительно мчится къ ручью, не думая о стрѣлѣ охотника. „Такъ сладко и отрадно мое стремленіе,—восклицаетъ онъ,—что я не чувствую пламени сжигающаго меня и ранъ, наносимыхъ божественной стрѣлой, и не имѣю силъ освободиться отъ моихъ оковъ“.

Помимо своихъ несомнѣнныхъ литературныхъ достоинствъ, философскіе разговоры Бруно имѣютъ важное значеніе въ итальянской литературѣ, какъ одна изъ раннихъ попытокъ излагать философскія идеи на итальянскомъ языкѣ. Великая мысль Данте, что пора научныя свѣдѣнія излагать на родномъ языкѣ, чтобы пріобщить народъ къ трапезѣ ангеловъ, была давно забыта. Уси-

ліями эрудитовъ XV в. итальянскій языкъ былъ снова отодви нутъ на второй планъ и всѣ знаменитые итальянскіе философы XVI в. Помпонацци, Телезіо и др. писали свои сочиненія на языкѣ латинскомъ, который считался единственно достойнымъ и пригоднымъ для выраженія возвышенныхъ философскихъ идей. Въ 1529 г. Амазео обратился къ императору и папѣ съ просьбой объявить еритикомъ всякаго, кто осмѣлится писать серьезныя книги на итальянскомъ языкѣ, который, по его мнѣнію, слѣдуетъ предоставить мастеровымъ и лавочникамъ. Если принять все это въ соображеніе, если вспомнить, что даже въ XVII в. Декартъ извинялся, что написалъ свой *Discours de la Méthode* на французскомъ языкѣ, то должно отдать справедливость смѣлости Дж. Бруно и признать, что и въ этомъ отношеніи онъ былъ новаторомъ.

Хотя право на мѣсто Бруно въ исторіи литературы основывается главнымъ образомъ на его комедіи *Il Candelajo*, но прежде чѣмъ перейти къ ея разсмотрѣнію, я считаю нужнымъ познакомить васъ съ содержаніемъ знаменитаго памфлета Бруно *Spaccio delia Bestia Trionfante*, (Изгнаніе торжествующаго звѣря), въ которомъ проявился во всемъ блескѣ его сатирическій талантъ. Памфлетъ этотъ былъ изданъ въ 1583 г. въ Англіи и посвященъ Бруно его другу, извѣстному Филиппу Сиднею. Ни одно сочиненіе Бруно не имѣло такого успѣха и не создало ему столько враговъ. Дѣйствіе памфлета происходитъ на небѣ въ годовщину низверженія гигантовъ въ Тартаръ. Въ прежнія времена въ этотъ день былъ большой банкетъ на Олимпѣ; теперь же Юпитеръ созываетъ боговъ единственно затѣмъ, чтобы сообщить имъ, что наступили плохія времена, что его повелѣнія не исполняются на землѣ, что даже дымъ отъ жертвъ не доходитъ до его обонянія. „Да и самъ я,—продолжаетъ Юпитеръ,—сильно состарѣлся. Тѣло у меня сохнетъ, кожа желтѣетъ, зубы выпадаютъ, зрѣніе становится хуже, кашель и одышка одолѣваютъ меня, ноги дрожатъ, я едва могу держаться на моемъ тронѣ, а съ нѣкотораго времени даже Юнона перестала ревновать меня. Венера, моя любезная сестрица, посмотрись въ зеркало, не то же-ли сталось съ тобою? Развѣ время не провело бороздъ на твоемъ челѣ, не уменьшило твоихъ прелестей и не убавило твоихъ поклонниковъ? Куда дѣлись чудныя ямочки на твоихъ щекахъ, придававшія столько прелести твоей улыбкѣ? Смѣйся или нѣтъ, но когда чело покрывается морщинами, кожа чернѣетъ и стягивается къ костямъ, то все это признаки паденія красоты. Не плачь, мой

другъ! Это неизбѣжно; время сильнѣе насъ; всѣ мы подвержены измѣненію; но что меня всего болѣе огорчаетъ, такъ это то, что мы, хотя и боги, не имѣемъ никакой надежды быть тѣмъ, чѣмъ были прежде. Наше величіе, достоинство, красота, страхъ, внушаемый нами и почести, которыя намъ воздавали, все это исчезаетъ; только истина и добродѣтель остаются неизмѣнными... Вы можетъ быть думаете, что я по обыкновенію созвалъ васъ сегодня на пиръ—ошибаетесь! Сегодня самый печальный день изъ всего года. Кто изъ васъ, подумавъ немного, не счелъ бы постыднымъ праздновать воспоминаніе о нашей славной побѣдѣ надъ гигантами теперь, когда насъ въ грошъ не ставятъ земныя букашки. Отчего не угодно было всемогущей судьбѣ тогда же низвергнуть насъ въ Тартаръ? Величіе и сила нашихъ противниковъ сдѣлали бы не такъ постыднымъ наше пораженіе. Теперь же наше положеніе на небѣ хуже, чѣмъ было бы послѣ пораженія, ибо мы не внушаемъ людямъ никакого страха. Божественное правосудіе вырываетъ у насъ изъ рукъ власть, которою мы умѣли только злоупотреблять. Люди теперь знаютъ наше безсиліе, и само небо свидѣтельствуетъ о нашихъ безчинствахъ. Я самъ, старый грѣшникъ, сознаюсь въ моихъ прегрѣшеніяхъ противъ высшей справедливости, сознаюсь, что я вамъ подавалъ дурной примѣръ". По мнѣнію отца боговъ и людей, есть одно средство если не совсѣмъ поправить дѣло, то хотя на время отсрочить катастрофу. Средство это состоитъ въ томъ, чтобъ удалить съ неба всѣ тѣ божества, съ которыми связаны скандальныя или преступныя воспоминанія и замѣнить ихъ добродѣтелями и разумными силами. „Изгонимъ съ неба нашего духа Медвѣдицу нравственнаго безобразія, Стрѣлу злословія, Жеребенка легкомыслія, Пса раздоровъ, Собаку раболѣпства. Отринемъ отъ себя Геркулеса насилія, Лиру заговоровъ, Треугольникъ нечестія, Волопаса непостоянства, Цефея жестокости" и т. д. Совѣтъ Юпитера принятъ большинствомъ собравшихся боговъ и рѣшено немедленно произвести радикальную реформу на Олимпѣ. Разумѣется, назначенныя въ отставку божества протестуютъ, ссылаются на свои заслуги, на то что сами люди возвели ихъ нѣкогда въ санъ боговъ и помѣстили въ ряду созвѣздій. Въ виду всего этого происходитъ на небѣ нѣчто въ родѣ судебнаго засѣданія, на которомъ боги высказываютъ свои мнѣнія о каждомъ удаляемомъ божествѣ и разбираютъ достоинства кандидата которымъ предполагается замѣнить его. Разумѣется рѣшающій голосъ въ этихъ совѣщаніяхъ принадлежитъ Юпитеру, который даетъ созвѣздіямъ и знакамъ зодіака, называвшимся

прежде большею частію по именамъ различныхъ звѣрей, имена добродѣтелей и разумныхъ силъ. Этимъ и объясняется курьезное названіе памфлета Бруно. Созвѣздіе большой Медвѣдицы будетъ отнынѣ называться Истиной, Пегасъ—Вдохновеніемъ, Драконъ — Благоразуміемъ, Козерогъ—Умственной Свободой и т. д. Сдѣлавъ все это, громовержецъ пріободрился и повеселѣлъ. Онъ указалъ рукою на послѣдній еще остававшійся не переименованнымъ знакъ зодіака, на созвѣздіе Рыбъ и велѣлъ немедленно снести ихъ на кухню и приготовить къ ужину подъ римскимъ соусомъ. „Да приготовить это поскорѣе, потому что отъ всѣхъ этихъ преній и разсужденій я страшно проголодался; надѣюсь, что и вы не меньше моего“. Слова эти были покрыты громкими криками „браво“; боги оставили залу совѣщанія и стали готовиться къ ужину.

Если и до сихъ поръ ученые не успѣли согласиться между собой относительно значенія аллегоріи, мастерски выдержанной Бруно на всемъ протяженіи его остроумнаго памфлета, то можно себѣ представить, какіе противорѣчивые толки возбудила книга Бруно при своемъ появленіи въ свѣтъ. Одни говорили, что здѣсь осмѣянъ Тридентскій соборъ, другіе, что въ лицѣ Юпитера выведено отживающее свой вѣкъ папство; третьи наконецъ утверждали, что для автора нѣтъ ничего святого, что онъ задумалъ ни болѣе, ни менѣе какъ изгнать изъ христіанскаго календаря всѣхъ святыхъ. Наиболѣе распространенное мнѣніе было, что подъ видомъ Юпитера Бруно осмѣялъ Папу, и весьма вѣроятно, что оно не мало способствовало осужденію Бруно *). Съ своей стороны самъ Бруно не только не далъ ключа къ своей аллегорической сатирѣ, но въ обширномъ посвященіи ея Филиппу Сиднею онъ постарался какъ можно болѣе затемнить дѣло. Такъ въ одномъ мѣстѣ онъ говоритъ, что въ его сочиненіи скрытъ подъ шутовской маской глубокій смыслъ, сокровище истины и добродѣтели, которое не можетъ быть разсмотрѣно не вооруженнымъ глазомъ; въ другомъ, что онъ, стремясь къ истинѣ и простотѣ, всюду называетъ вещи ихъ собственными именами. Сначала протестанты обрадовались было нападкамъ Бруно на католицизмъ, но нѣсколько остроумныхъ и язвительныхъ выходокъ противъ лютеранства и кальвинизма, сгоряча не замѣченныхъ, значительно охладили ихъ восторгъ. Если онъ не католикъ и не протестантъ, то онъ очевидно атеистъ и богохулецъ—такъ порѣшили современники Бруно и рукоплескали осужденію его на смерть. Нужно сказать правду, что, стоя на теологической точкѣ

зрѣнія, они и не могли прійти къ другому рѣшенію. Но тѣмъ не менѣе они жестоко ошиблись: Бруно не былъ ни католикомъ, ни протестантомъ, всего менѣе атеистомъ. Для насъ нѣтъ никакого сомнѣнія, что Бруно, стоявшій на высшемъ уровнѣ тогдашней образованности, не могъ быть ничѣмъ инымъ, какъ только гуманистомъ, а извѣстно, что для гуманистовъ стояла на первомъ планѣ не форма и догма, а духъ и содержаніе. Изученіе религіи и философіи древняго міра привело ихъ къ убѣжденію, что по основнымъ вопросамъ всѣ религіозныя системы сходны между собою, что сущность ихъ—любовь къ Богу и признаніе извѣстнаго нравственнаго идеала; все же остальное несущественно. Стоя на такой раціоналистической точкѣ зрѣнія, отвлекая сущность религіи отъ ея порожденныхъ историческими обстоятельствами формъ, они считали себя вправѣ взвѣшивать сравнительныя достоинства различныхъ религій и смотрѣть свысока на теологическій задоръ людей, которые готовы были уничтожить другъ друга изъ-за догмата Св. Троицы или Пресуществленія. По мнѣнію одного знаменитаго гуманиста XVI в. Шатильона (болѣе извѣстнаго подъ его латинскимъ именемъ Castallio) спорить о разницѣ между закономъ и благодатью все равно, что спорить о томъ, пріѣхалъ ли какой нибудь государь верхомъ или въ экипажѣ въ красномъ или бѣломъ костюмѣ. На христіанство они смотрѣли какъ на религію любви, нравственнаго совершенства и умственной свободы, и устами Шекспира (Зимняя Сказка, актъ II, сцена, II) смѣло объявляли еретикомъ не того, кто горѣлъ, а того кто зажигалъ костеръ. Такъ смотрѣли на религіозные вопросы великіе гуманисты XVI в. Эразмъ, Рабле, Ульрихъ фонъ-Гуттенъ и т. д., и такую же религію любви, нравственнаго совершенства и умственной свободы исповѣдывалъ и Джордано Бруно. Подобно другимъ гуманистамъ и Бруно, не признававшій существенной разницы между различными религіями, считалъ себя въ правѣ сравнивать язычество съ христіанствомъ и по нѣкоторымъ пунктамъ отдавалъ преимущество первому **), что конечно инквизиція не позабыла поставить ему на счетъ ***). Можно

*) Нѣмецкій ученый Каспаръ Шоппе (Scioppius), служившій при папскомъ дворѣ и хорошо знавшій, что тамъ говорилось, выражается по этому случаю весьма увѣренно: Postea Londinum profectus libellum illic edidit de Bestia Triumphante, hoc est Papa.

**) Berti, Vita di Giordano Bruno, p. 162.

***) Одинъ изъ обвинительныхъ пунктовъ противъ Бруно состоялъ въ томъ, что онъ говорилъ о религіи съ философской точки зрѣнія (parlava filosoficamente).

толковать различными способами многочисленныя аллегоріи, заключающіяся въ книгѣ Бруно, но едва ли можно сомнѣваться, что общій смыслъ ея состоитъ въ призывѣ къ нравственному обновленію человѣчества. Своимъ мастерскимъ изображеніемъ реформъ на Олимпѣ Бруно аллегорически предсказалъ скорую замѣну отживающаго порядка вещей, основаннаго на лжи, нетерпимости, коварствѣ и господствѣ животныхъ страстей, новымъ порядкомъ, основаннымъ на торжествѣ нравственныхъ началъ гуманности, справедливости и умственной свободы. Онъ хотѣлъ быть Коперникомъ этого новаго нравственнаго міра, опредѣлилъ его устройство и былъ глубоко убѣжденъ, что руководимые созвѣздіями, носящими имена добродѣтелей, люди станутъ вести болѣе чистую нравственную жизнь и станутъ гораздо счастливѣе.

Перехожу теперь къ комедіи Бруно, изданной имъ во время его пребыванія въ Парижѣ въ 1582 г. Самое названіе комедіи „Il Candelajo“ (Свѣча) до сихъ поръ не объяснено какъ слѣдуетъ. Бартольмессъ объясняетъ его тѣмъ, что одно изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, педантъ Манфуріо, называющій себя свѣточемъ міра, въ сущности не болѣе какъ сальный огарокъ. Разсматриваемая съ эстетической точки зрѣнія, со стороны драматической постройки, пьеса Бруно не выдерживаетъ самой снисходительной критики: въ ней нѣтъ никакого внутренняго центра, никакой цѣльной интриги. Она состоитъ изъ трехъ параллельныхъ дѣйствій, въ которыхъ поочередно фигурируютъ три главныхъ героя: влюбленный скряга Бонифаціо, помѣшавшійся на исканіи философскаго камня Бартоломео и глупый, влюбленный въ себя, педантъ Манфуріо, потѣшающій публику своимъ на половину латинскимъ, на половину итальянскимъ жаргономъ. Всѣ эти три дѣйствія развиваются самостоятельно, не условливаются одно другимъ, и единственная ихъ связь состоитъ въ томъ, что всѣ три чудака попадаютъ въ руки переодѣтыхъ полицейскими мошенниковъ, которые ихъ обираютъ, сажаютъ въ кутузку и потомъ выпускаютъ на свободу за порядочный выкупъ.—Едва ли не единственнымъ достоинствомъ комедіи Бруно, кромѣ живого и необыкновенно-типичнаго діалога, остаются нѣсколько забавныхъ, мастерски веденныхъ сценъ и нѣсколько комическихъ положеній, показывающихъ, что Бруно обладалъ острымъ чутьемъ комическаго. Что до характеровъ, то изъ нихъ нѣтъ ни одного, который могъ бы быть названъ драматическимъ. Лучше другихъ очерченъ характеръ сладострастнаго и скупого старикашки Бонифаціо, которому ни женитьба,

ни преклонный возрастъ не мѣшаютъ заводить на всякомъ шагу интрижки. Въ началѣ пьесы мы видимъ его влюбленнымъ въ куртизанку Викторію, которая искусно разыгрываетъ изъ себя недоступную, чтобъ сразу сорвать съ него большой кушъ. Тщетно испытавъ всѣ средства прельщенія: и подарки и сонеты (послѣдніе ему пишетъ Манфуріо), старый скряга обращается къ помощи шарлатана-чернокнижника Скарамура, славящагося искусствомъ смягчать самыя твердыя и непреклонныя женскія сердца. Въ виду того, что комедія Бруно совершенно неизвѣстна русской публикѣ, я считаю не лишнимъ перевести изъ нея нѣсколько сценъ съ нѣкоторыми необходимыми сокращеніями.

Скарамуръ (входя). Добраго здоровья, мессиръ Бонифаціо.

Бонифаціо. Добро пожаловать, синьоръ Скарамуръ, единственная надежда моей обуреваемой страстями жизни.

Скарамуръ. По всему вижу, что вы, мессиръ Бонифаціо, снова влюблены.

Бонифаціо. Вы угадали, и если вы мнѣ не поможете, я погибъ.

Скарамуръ. Судя по вашей физіономіи и по числу буквъ въ вашемъ имени, вы родились подъ звѣздою Венеры. Мнѣ необходимо знать въ точности ваши лѣта.

Бонифаціо. Согласитесь, что я не могу хорошо помнить время моего рожденія, но судя по отзывамъ другихъ, мнѣ теперь такъ—около сорока пяти лѣтъ.

Скарамуръ. Впрочемъ все это можно вычислить въ точности, до мѣсяцевъ, дней и часовъ включительно, если измѣрить циркулемъ ширину ногтя на вашемъ большомъ пальцѣ по отношенію къ linea vitale и опредѣлись разстояніе отъ верхушки безыменнаго пальца до центра руки, но съ меня пока довольно и того, какъ опредѣляютъ вашъ возрастъ другіе. Теперь скажите мнѣ, когда вы были внезапно охвачены любовью при взглядѣ на даму вашего сердца, съ какой стороны вы ее увидали, съ правой или съ лѣвой?

Бонифаціо. Помнится, что съ лѣвой.

Скарамуръ. Тѣмъ хуже. Дѣло усложняется. Далѣе, не припомните ли вы, какъ она стояла отъ васъ—на востокъ, западъ, сѣверъ или югъ?

Бонифаціо. На югъ.

Скарамуръ. Значитъ нужно призывать сѣверныхъ духовъ. Oportet advocare Septentrionales. Довольно, мнѣ больше ничего

не нужно. Буду пока дѣйствовать натуральной магіей, оставляя для болѣе важнаго случая тайную.

Бонифаціо. Дѣйствуйте, какой угодно, но только помогите мнѣ.

Скарамурѣ. Объ этомъ не безпокойтесь. Представьте все мнѣ. Ясное дѣло, что вы приворожены.

Бонифаціо. Скажите пожалуйста, какъ это могло случиться? Я ничего не понимаю.

Скарамурѣ. Привораживаніе совершилось, когда вы смотрѣли на нее, а она на васъ. Оно происходитъ съ помощью прозрачнаго и всепроникающаго духа, который зародившись отъ сердечнаго жара и самой чистой крови, путемъ лучей, идущихъ отъ взгляда, зажигаетъ въ сердцѣ созерцаемаго предмета любовь, ненависть, меланхолію и другія страсти. Если же взгляды, смотрящихъ другъ на друга лицъ, встрѣтятся хоть на мгновеніе, то духи исходящіе изъ нихъ мигомъ соединяются и происходитъ то, что называется любовнымъ привораживаніемъ. Вотъ почему людямъ боящимся любовныхъ чаръ нужно очень бдительно слѣдить за своими взглядами. Но довольно! Мы увидимся скоро, а теперь я спѣшу, чтобъ приготовить все нужное.

Бонифаціо. Если вы исполните мое желаніе, вы увидите, что имѣете дѣло съ человѣкомъ, который умѣетъ быть благодарнымъ.

Явившись въ другой разъ, Скарамуръ вручаетъ Бонифаціо восковую фигурку, изображающую Викторію, и пять булавокъ, которыя нужно по очереди воткнуть, произнося магическія слова въ различныя части тѣла статуэтки, и сердце Викторіи будетъ побѣждено. Взявши у Бонифаціо крупный кушъ за свои волхованія, Скарамуръ исчезаетъ, а Бонифаціо, продѣлавши понапрасно магическіе опыты съ статуэткой, подсылаетъ къ Викторіи ея подругу Лючію, которая въ свою очередь подъ разными предлогами выманиваетъ у него деньги и подъ конецъ увѣряетъ Бонифаціо, что Викторія, тронутая его постоянствомъ, начинаетъ къ нему питать нѣжныя чувства. Между тѣмъ послѣдняя, видя, что отъ ухаживаній Бонифаціо нѣтъ никакого толку и желая наказать его, вступаетъ въ соглашеніе съ предводителемъ шайки червонныхъ валетовъ Сангуино, который составилъ хитрый планъ обобрать Бонифаціо. Къ нимъ пристаетъ Скарамуръ, Лючія и влюбленный въ жену Бонифаціо, живописецъ Бернардо, вступающій въ союзъ для своихъ цѣлей. Рѣшено, пользуясь влюбленностью Бонифаціо, именемъ Викторіи завлечь его въ ловушку.

Лючія идетъ къ Бонифаціо отъ имени Викторіи и назначаетъ ему свиданіе въ извѣстный часъ въ ея домѣ. Чтобы не возбудить подозрѣнія, Бонифаціо долженъ переодѣться въ костюмъ Бернардо, который вхожъ къ Викторіи и котораго появленіе даже въ поздній часъ не можетъ компрометировать ее. Для вящшаго посрамленія Бонифаціо союзники предупреждаютъ объ его подвигахъ его жену Карубину, которая переодѣвается въ платье Викторіи. Въ назначенный часъ Бонифаціо пробирается въ комнату Викторіи, но встрѣчаетъ тамъ жену, которая разоблачаетъ его инкогнито и осыпаетъ его упреками. Преслѣдуемый ревнивой женой, какъ угорѣлый выбѣгаетъ Бонифаціо на улицу, но тутъ на него набрасываются мнимые сбирры, и, какъ бы заподозрѣвъ, что онъ перерядился въ платье Бернардо для какихъ-нибудь предосудительныхъ цѣлей, тащутъ его въ полицію. Когда Бонифаціо уводятъ, его негодующая половина одна остается на улицѣ. Къ ней подходитъ давно выжидавшій этой минуты Бернардо и зная, что она имѣетъ полное право негодовать на Бонифаціо, хочетъ эксплуатировать ея негодованіе въ свою пользу. Сцена между Карубиной и Бернардо прекрасно характеризуетъ нравы той эпохи, которая дала матеріалъ для скандальной новеллы XVI в. и для комедій Маккіевелли и Аретино. Бернардо является типическимъ представителемъ расшатанности нравственныхъ принциповъ въ современномъ Бруно обществѣ, гдѣ похвальная цѣль всегда оправдывала собой низкія средства (а такой похвальной цѣлью считалась прежде всего любовь), гдѣ исчезло истинное понятіе о чести и гдѣ тайный грѣхъ почти не считался грѣхомъ. Бернардо откровенно сознается Карубинѣ, что все это устроилъ онъ, что мужъ ея арестованъ его пріятелями, которые его скоро не выпустятъ, что Бонифаціо своимъ низкимъ поступкомъ вполнѣ доказалъ, насколько онъ недостоинъ такой женщины, какъ она, что ей сама судьба предоставляетъ удобный случай наказать его за вѣроломство. „Но если мой мужъ—возражаетъ молодая женщина—нарушилъ свой долгъ, слѣдуетъ ли изъ этого, что я должна нарушить свой?“ Въ отвѣтъ на это Бернардо въ пламенныхъ выраженіяхъ описываетъ свою любовь, свои страданія и умоляетъ ее сжалиться надъ нимъ. Карубина не была бы итальянкой XVI в., если бы страстныя увѣренія въ любви не произвели на нее никакого дѣйствія. При видѣ устремленныхъ на нее огненныхъ взглядовъ художника, при звукахъ его страстной рѣчи сердце Карубины начинаетъ смягчаться.

Карубина. Но если бы я повѣрила вамъ и согласилась бы вознаградить васъ за ваши страданія, то отъ этого пострадала бы моя собственная честь.

Бернардо. Милая синьора, честь есть ничто иное, какъ доброе мнѣніе, которое имѣютъ о насъ другіе. Пока это мнѣніе существуетъ—существуетъ и наша честь. Не то отнимаетъ у насъ честь, что мы дѣлаемъ, а то, какъ люди судятъ наши поступки.

Такое іезуитское, исполненное глубокаго нравственнаго цинизма, понятіе о чести тѣмъ не менѣе производитъ сильное впечатлѣніе на Карубину, слышавшую уже вѣроятно и прежде отъ своего снисходительнаго духовника, что тайный грѣхъ вполовину прощенный грѣхъ. Она защищается все слабѣе и слабѣе и въ заключеніе проситъ Бернардо не говорить такъ громко, потому что ихъ могутъ слышать прохожіе.

Пока эта сцена происходитъ на улицѣ, Скарамуръ отъ имени Бонифаціо ведетъ переговоры съ мнимыми сбиррами, которые соглашаются за извѣстную сумму отпустить его домой съ тѣмъ впрочемъ, чтобы онъ предварительно выпросилъ прощеніе у жены.

Другой герой пьесы Бартоломео, столь же довѣрчивый и глупый, дѣлается жертвой своей страсти разбогатѣть. Онъ попадаетъ въ руки шарлатана-алхимика Ченчіо, который за крупный кушъ обѣщаетъ ему открыть секретъ дѣлать золото. Секретъ Ченчіо состоитъ въ томъ, чтобы смѣшать въ извѣстной пропорціи Pulvis Christi съ простымъ пескомъ и кипятить ихъ вмѣстѣ извѣстное количество часовъ. Видя, что изъ этого кипяченія ничего не выходитъ и что денежки его пропали, Бартоломео въ отчаяніи восклицаетъ: „что мнѣ дѣлать? Какъ возвратить мои деньги?“ на что помощникъ Ченчіо весьма резонно замѣчаетъ ему: „поступайте, какъ мой господинъ поступалъ съ вами. Найдите человѣка съ такой же головой, какъ ваша, и съ такимъ же тугонабитымъ кошелькомъ,—и ваши обстоятельства поправятся“.— Да вѣдь это совѣтъ негодяя и подлеца! кричитъ своему собесѣднику Бартоломео. Тотъ вламывается въ амбицію; происходитъ потасовка. Дерущихся во время разнимаютъ слѣдившіе за ними мнимые сбирры. Бартоломео, подобно Бонифаціо, сажаютъ подъ арестъ и выпускаютъ не иначе, какъ взявши съ него взятку. Подобная же исторія повторяется и съ третьимъ героемъ пьесы— педантомъ, любимымъ типомъ Бруно, котораго онъ выводитъ подъ разными именами во многихъ произведеніяхъ. Маѣфуріо до такой степени мало способенъ понимать, что происходитъ вокругъ него, что онъ самъ собою, безъ всякихъ ухищреній, попадаетъ въ руки